

И.С. Ремезов

**Костромской крестьянин
Иван Сусанин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.С. Ремезов**
Костромской крестьянин Иван Сусанин / И.С. Ремезов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-458-01283-6

ISBN 978-5-458-01283-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Федоръ Іоанновичъ передалъ Годунову почти всю свою власть, велѣлъ ему править московскимъ государствомъ и о всякихъ дѣлахъ заботиться. Усердно принялся Годуновъ за дѣла: погналъ неправду, началъ выводить разбои, утверждалъ русское владычество въ Сибири, сносился съ иноземными государствами; но важнѣйшимъ изъ его распоряженій были: учрежденіе въ Москвѣ высокаго сана патріарха и прикрѣпленіе къ землѣ сельскаго сословія, послѣдовавшее въ 1597 году.

Забравши, такимъ образомъ, въ свои руки верховную власть, Годуновъ, однако, не былъ спокоенъ духомъ. Чѣмъ выше было его положеніе въ настоящемъ, тѣмъ страшнѣе представлялось оно ему въ будущемъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени властолюбивый, онъ не могъ сродниться съ мыслью, что настанетъ время, когда ему придется отказаться отъ управленія государствомъ. Хотя у царя Федора не было дѣтей, да, по недугамъ его, и ждать ихъ было нельзя, но въ Угличѣ подрасталъ юный Дмитрій, который былъ прямымъ наслѣдникомъ московскаго престола и неодолимою преградой для властолюбивыхъ замысловъ Годунова. Однако мысль о верховной власти такъ крѣпко засѣла правителю въ голову, что онъ рѣшился, наконецъ, устранить всѣ препятствія и, во чтобы то ни стало, достигнуть престола. И вотъ, въ маѣ 1591 года, вдругъ разносится по государству вѣсть, что девятилѣтній царевичъ Дмитрій погибъ въ Угличѣ отъ руки убійцы.

Для розысковъ про это дѣло, Годуновъ спѣшить отправить въ Угличъ людей, ему преданныхъ, и они доносятъ царю, что Дмитрій, въ припадкѣ чернаго недуга, самъ закололъ себя ножемъ. Нагихъ обвинили въ недосмотрѣ, крѣпко пытали и разослали по дальнимъ городамъ и тюрьмамъ, а царицу Марью постригли въ монахини, подъ именемъ Марфы, и заточили въ пустынь за Бѣлоозеро. Но неправый судъ не обманулъ народа: народъ не переставалъ толковать, что царевича велѣлъ убить Борисъ.

Черезъ семь лѣтъ скончался и Федоръ Иоанновичъ. На вопросъ патріарха и бояръ: кому онъ приказываетъ царство, умирающій Федоръ отвѣчалъ: „предоставляю все на волю Божию“. Такимъ образомъ пресѣкъся царствовавшій въ Россіи, отъ самаго ея начала, домъ Рюрика, и московскій престолъ остался безъ прямого наслѣдника. Хотя думный дьякъ Щелкаловъ предлагалъ присягнуть на имя боярской думы; но народъ и слышать не хотѣлъ о боярскомъ правленіи. А, между тѣмъ, многочисленные сторонники и приверженцы Годунова усердно дѣйствовали въ его пользу, такъ что, когда съѣхался въ столицу земскій соборъ, для избранія государя, то предложилъ верховную власть бывшему правителю государства. Хитрый Годуновъ сначала упорно отказывался отъ престола и, только послѣ торжественныхъ и неоднократныхъ просьбъ духовенства и народа, согласился, наконецъ, возложить на свою голову царскій вѣнецъ.

Несмотря, однако, на всё свои неусыпныя правительственныя заботы, Борисъ все болѣе и болѣе терялъ народную привязанность; главною причиною тому была его мелочная подозрительность. Сознывая, быть можетъ, что неправыми, окольными путями достигнуть имъ престоль, онъ страшился потерять его — и вездѣ и во всемъ видѣлъ угрожающую ему опасность. Недостойные любимцы и слуги воспользовались этою слабостью царя, и наступило время нескончаемыхъ ложныхъ доносовъ: доносили другъ на друга люди именитые, холопы на господъ, жены на мужей, дѣти на отцовъ. Явныхъ казней хотя и не было, но за то свирѣпствовали тайныя убійства, пытки и заточенія. Въ числѣ знатныхъ родовъ, подвергшихся преслѣдовавію Бориса, находились братья Романовы *): старшаго изъ нихъ, Федора Никитича, неволею постригли въ монахи, подъ именемъ Филарета, и сослали въ Сійскій Антоніевъ монастырь, а жену его, Ксенію, постригли, подъ именемъ Марфы, и сослали въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ. Къ невгодамъ отъ доносовъ присоединились еще другія бѣдствія. Въ продолженіе трехъ лѣтъ Россію терзаль страшный голодъ, который, вмѣстѣ съ моровымъ повѣтріемъ, истребилъ несмѣтное множество народа; при этомъ вездѣ рыскали многочисленныя разбойничьи

*) Сыновья Никиты Романовича Юрьина-Захарьяна, т. е. племянники царицы Анастасіи.

шайки, которыя составились изъ бѣглыхъ холопей и крестьянъ, недовольныхъ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ. Повсюду распространилось всеобщее уныніе. Хотя Борисъ, въ это печальное время, всѣми силами старался облегчить народныя страданія: сбавилъ подати, открывалъ общественныя работы, раздавалъ хлѣбъ и милостыню, преслѣдовалъ татей и душегубцевъ, но всѣ эти бѣдствія были только началомъ еще большихъ смуть.

Въ народѣ стала ходить молва, что царевичъ Димитрій живъ и скоро потребуетъ отъ Бориса отцовское наслѣдіе. Вслѣдъ за молвою появился и самозванецъ. Его поддерживали поляки, старавшіеся завести неурядицы въ московскомъ государствѣ, и латинское духовенство, надѣявшееся подчинить русскую церковь римскому папѣ. Къ этимъ вѣшнимъ врагамъ Россіи присоединились еще казаки, составлявшіе нашу пограничную стражу; они крѣпко недолюбливали Бориса за то, что онъ не давалъ имъ разбойничать и сильно тѣснилъ ихъ. Мятежъ не замедлилъ охватить почти все московское государство. Со вступленіемъ Лжедмитрія въ русскіе предѣлы, внезапно скончался Борисъ (13 апрѣля 1605). Москва присягнула его юному сыну, но приверженцы самозванца возмутили народъ, и Федоръ Борисовичъ былъ умерщвленъ. Лжедмитрій съ торжествомъ вступилъ въ Москву и вскорѣ вѣнчался на царство, причемъ были объявлены милости мнимымъ родственникамъ царскимъ, гонимымъ при Годуновѣ, Нагымъ

и Романовымъ. Филаретъ Никитичъ былъ сдѣланъ ростовскимъ митрополитомъ; возвращена была изъ ссылки и его супруга, которая, вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ своимъ Михайломъ, поселилась въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, принадлежавшемъ къ ростовской епархіи. Не долго однако продолжалось царствованіе самозванца; его презрѣніе къ старымъ русскимъ обычаямъ и дружба съ поляками и латинскими попами возбудили неудовольствіе въ Москвѣ. Противъ него составился обширный заговоръ, въ главѣ котораго сталъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. 17 мая 1606 года, около четырехъ часовъ утра, раздался по Москвѣ набатъ и заговорщики съ толпою народа бросились въ Кремль. Лжедмитрій былъ убитъ, трупъ его преданъ поруганію, а царемъ провозглашенъ Шуйскій.

Такимъ образомъ, въ годъ съ небольшимъ земля русская видѣла надъ собою четвертаго царя, и двое изъ нихъ погибли насильственною смертію; казалось, пора было угомониться и успокоиться; но не таковъ былъ Шуйскій и не таково было время, чтобъ прекратились смуты. Скупой, нерѣшительный и неискусный въ управленіи государствомъ, онъ скоро заслужилъ общее нерасположеніе. Уже въ слѣдующемъ году распространился слухъ, будто бы Лжедмитрій спасся отъ смерти и нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Снова начались повсемѣстныя волненія. Наконецъ, явился и новый самозванецъ, подъ знаменами котораго опять собрались поляки, литовцы, казаки, бѣглые крестьяне

и холопы. Лжедмитрій II двинулся прямо къ столицѣ и, въ 12 верстахъ отъ нея, расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ прозваніе *Тушинскаго вора*. Въ то время, какъ самозванецъ съ поляками старался овладѣть Москвою, шайки тушинскихъ мятежниковъ или воровскихъ людей, какъ ихъ тогда называли, разсѣялись по московскимъ областямъ жгли, грабили ихъ, и города, застигнутые врасплохъ, одинъ за другимъ переходили на сторону самозванца. Каждый новый успѣхъ мятежниковъ все болѣе и болѣе возбуждалъ неудовольствіе противъ Шуйскаго; когда же посланное противъ осадившихъ Смоленскъ поляковъ царское войско потерпѣло рѣшительное поражение, то Москва взволновалась окончательно. 17 іюля 1610 года толпы народа собрались на Красной площади, отсюда, за тѣсною мѣста, двинулись за Москву рѣку, къ Серпуховскимъ воротамъ, и здѣсь бояре и всякіе люди приговорили: бить челомъ царю Василию Ивановичу, чтобъ онъ царство оставилъ, потому что кровь многая льется; въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливый. Василій долженъ былъ согласиться съ этимъ приговоромъ и выѣхалъ изъ дворца въ свой прежній боярскій домъ. Но этимъ не удовольствовались: черезъ два дня его насильно постригли въ монахи и свезли въ Чудовъ монастырь.

По низведеніи Шуйскаго съ престола, управленіе государствомъ перешло въ руки боярской думы. Немедленно поднялся вопросъ объ избраніи царя; что тутъ обнаружилось сильное разногласіе. Многие

еще держались тушинскаго вора; другіе желали польскаго королевича Владислава; но противъ него былъ родной отецъ его, Сигизмундъ, который самъ желалъ сѣсть на московскій престоль. Такимъ образомъ, когда боярская дума, для окончательныхъ переговоровъ объ избраніи Владислава, отправила къ польскому королю, стоявшему подъ Смоленскомъ, посольство, то онъ задержалъ пословъ и отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу. Въ послахъ былъ и ростовскій митрополитъ Филаретъ. Тогда патріархъ Гермогенъ началъ разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ вооружиться на защиту православія. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ, 2-5 городовъ выслали свои ополченія, которыя поспѣшили къ занятой поляками Москвѣ. Хотя въ это время тушинскій воръ уже погибъ отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ, но положеніе дѣлъ не улучшилось. Между начальниками русскаго войска возникли распри; ополченіе разстроилось; казаки занялись грабежемъ сосѣднихъ областей; Сигизмундъ взялъ Смоленскъ; въ Псковъ явился третій Лжедмитрій; а Новгородъ захватили шведы.

Тогда православный народъ понялъ, наконецъ, что для спасенія Россіи отъ окончательной гибели необходимо единодушіе. Духовенство и важнѣйшіе монастыри (которые тогда были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крѣпостями) сильно поддерживали земство въ такомъ святомъ дѣлѣ. Въ особенности Троицко-Сергіевская лавра обнаружила въ это бѣдственное время

необыкновенную дѣятельность. Архимандритъ лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ всѣми силами старались подкрѣпить упавшій духъ народа и неутомимо разсылали увѣщательныя грамоты по областямъ, призывая ратныхъ людей на защиту православной вѣры и отечества. Когда одна изъ такихъ грамотъ достигла Нижняго-Новгорода, то, по призыву тамошняго земскаго старосты (городскаго головы), мяснаго торговца Козьмы Минича Сухорукаго, собралось новое ополченіе, начальство надъ которымъ принялъ князь Пожарскій. Какъ скоро разнеслась вѣсть о движеніи въ Нижнемъ-Новгородѣ, со всѣхъ сторонъ начали сходитья служилые люди, собралось многочисленное ополченіе и двинулось на освобожденіе столицы. Подъ стѣнами Москвы, Пожарскій вступилъ въ битву съ поляками и очистилъ ее отъ враговъ. Теперь оставалось избраніемъ царя положить конецъ тягостному для всѣхъ безначалію. Въ Москвѣ собрали великій земскій соборъ и 21 февраля 1613 года выборъ народа палъ на шестнадцатилѣтняго Михаила Федоровича Романова, какъ ближайшаго родственника къ пресѣвшемуся царскому дому Рюрика. 2-го марта отправили къ юному избраннику всей земли русской посольство, 14-го Михаилъ изъявилъ согласіе принять престоль, 19-го выѣхалъ изъ Костромы, 2-го мая прибылъ въ Москву, а 11-го іюля вѣнчался на царство.

Такимъ образомъ, русскіе люди тяжелымъ опытомъ познали, что значитъ рознь и шатость, развязы-

вающія руки ворами. Но этотъ опытъ не прошелъ безслѣдно. Земскіе люди встали и соединились въ одинъ народъ, въ гражданъ одного московскаго государства. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія и охраненія новаго царя, возстановлявшаго нарядъ, лучше всего показываетъ сохранившійся въ преданіи подвигъ незабвеннаго Сусанина, пожертвовавшаго своею жизнью за юнаго Михаила.

ПОДВИГЪ СУСАНИНА.

Вотъ что повѣствуетъ преданіе о подвигѣ Сусанина.

Поляки, продолжавшіе еще буйствовать въ русскихъ областяхъ, узнавъ объ избраніи на московскій престолъ юнаго Михаила, рѣшились, во что бы то ни стало, схватить его и отправить въ Польшу или умертвить. Для этого одна изъ ихъ шаекъ, въ которой были и литовцы, направилась въ костромскія вотчины Романовыхъ, къ селу Домнину, гдѣ тогда находился избранный царь. Враги были уже недалеко отъ помѣстья Михаила, но, сбившись съ дороги, не знали, куда идти. Между тѣмъ, время было ненастное и начинало уже смеркаться. Въ 3-хъ верстахъ отъ Домнина, близъ деревни Деревнищъ *), поляки

*) Деревня Деревнищи, буйскаго уѣзда, известна нынѣ подъ названіемъ Деревеньки.

встрѣтили крестьянина Ивана Осипова Сусанина, вотчиннаго старосту Романовыхъ, и взяли его въ проводники. Сусанинъ, какъ староста, хотя и проживалъ въ селѣ Домнинѣ, при боярскомъ дворѣ, но былъ уроженцемъ Деревнищъ, гдѣ имѣлъ свой домъ, въ которомъ жилъ въ это время зять его, Богданъ Собининъ. Догадливый Сусанинъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, успѣлъ тайкомъ наказать Собинину, что-бы тотъ, какъ можно скорѣе, спѣшилъ въ Домнино и предупредилъ Михаила объ угрожающей ему опасности, а самъ, помолясь Богу, повелъ злоумышленниковъ, какъ будто окольными дорогами, по окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ, вмѣсто села Домнина, совсѣмъ въ противоположную сторону. Проплутавъ цѣлую ночь и рассчитывая, что Михаилъ имѣлъ уже достаточно времени, чтобы выѣхать изъ Домнина, Сусанинъ объявилъ, наконецъ, полякамъ, что сбился съ дороги. — Ты обманулъ насъ! — воскликнули они. Тогда, одушевленный своимъ великимъ подвигомъ, незабвенный Сусанинъ спокойно отвѣчалъ: «не я, вы сами себя обманули, полагая, что русскій можетъ выдать врагамъ своего государя; Михаилъ Федоровичъ спасенъ; вы далеко отъ его помѣстья; вотъ голова моя; дѣлайте со мною, что хотите; поручаю себя Богу». Поляки, надѣясь еще поправить дѣло, начинаютъ уговаривать Сусанина вывести ихъ на дорогу, прельщаютъ его золотомъ; но онъ остается непреклоннымъ; тогда враги отъ лъстивыхъ обѣщаній переходятъ къ угрозамъ, къ великимъ, немѣрнымъ